

ТОЛКОВАНИЕ НОРМ ПРАВА КАК НЕОБХОДИМАЯ СТАДИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ТРУДНОСТИ, ВЫЗЫВАЕМЫЕ ОШИБКАМИ В ФОРМУЛИРОВАНИИ НОРМ ПРАВА

Толкование нормы права – сложный и специфический процесс, являющийся одной из ключевых стадий применения права и заключающийся в уяснении точного смысла и содержания правового предписания.

Как смоделированное правило поведения правовое предписание представляет собой концентрированный источник информации о механизме воздействия права на определенный вид общественных отношений, о процессе принятия решения и его последующей реализации. Необходимость толкования правовых норм вытекает прежде всего из словесно-документальной формы изложения правовых предписаний. Норма права представляет собой мысль, которая формируется и передается законодателем в форме словосочетаний, зафиксированных в тексте нормативного правового акта. То, что регулирование общественных отношений в тексте нормативного правового акта выражается в знаковой форме, с одной стороны, облегчает процесс познания, а с другой – усложняет его. Облегчает потому, что из-за экономичности знаковой формы ускоряется процесс создания соответствующих умозаключений. Сложность же состоит в том, что ошибка в выборе этой самой формы может повлечь за собой искажение представления о сущности правовых отношений и, как следствие, снизить эффективность процесса реализации права.

К сожалению, приходится констатировать, что выбор словесной формы правовых предписаний, содержащихся в отечественных нормативных правовых актах, не всегда удачен. Такой вывод позволяют сделать данные, полученные в ходе опроса, проведенного нами с целью выявления степени ясности и доступности текста правовых норм для правоприменителей¹. Так, при работе с текстом правовой нормы для уяснения ее смысла к помощи коллег хотя бы иногда прибегает 96,6 % респондентов из числа сотрудников органов внутренних дел и работ-

¹ Опрос проводился среди сотрудников правоохранительных органов и работников прокуратуры г. Минска. Было опрошено 186 респондентов.

ников прокуратуры. Из них 3,4 % прибегают к помощи коллег практически постоянно и 26,1 % – в каждом втором случае. Кроме того, при обработке данных, полученных в ходе опроса, выявлялась зависимость частоты обращений за помощью в уяснении смысла правового предписания от стажа работы в органах внутренних дел и прокуратуре. В результате обнаружено, что чаще всего за содействием к коллегам обращаются сотрудники названных правоохранительных органов со стажем работы до пяти лет. Так, из данной группы респондентов к этому виду помощи прибегает 70,8 %, из них 24,2 % – в каждом втором случае. Отметим, что в настоящее время более 60 % сотрудников правоохранительных органов и работников прокуратуры г. Минска имеют именно такой стаж работы.

Из числа респондентов, имеющих стаж работы в органах внутренних дел и прокуратуре от пяти до десяти лет, количественный показатель постоянно обращающихся за помощью к коллегам для уяснения смысла правового предписания равен 8,4 %.

Толкование правовых норм, как отмечает С.С. Алексеев, способствует смягчению недостатков в их форме [1, с. 293]. Он подчеркивает, что неправильное или неполное использование средств и приемов юридической техники, недостатки, имеющие место в стиле нормативных правовых актов, могут быть устранены именно с помощью толкования.

Тем не менее следует отметить, что иногда даже компетентное толкование правовой нормы порождает больше вопросов, чем верных ответов. Так, например, в комментарии к ст. 185 «Принуждение» УК Республики Беларусь разъясняется, что в соответствии с признаками преступления, предусмотренными в тексте данной статьи, карается принуждение к поведению, которое само по себе не содержит признаков преступления, а часто вообще лишено общественной опасности или даже общественно полезно. В качестве примера такого полезного для общества действия в тексте комментария приводится принуждение к производству аборта [2, с. 378]. Думается, такое разъяснение не совсем корректно, так как производство аборта вряд ли можно назвать общественно полезным действием.

Более того, в некоторых случаях такого рода неточности оказывают негативное влияние на формирование правоприменительной практики. Так, в апреле 2008 г. судом Советского района г. Минска был постановлен оправдательный приговор по уголовному делу № 08011070155 в отношении гражданки В., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 250 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Распространение ложной информации о товарах и услугах». Вышеуказанная гражданка в момент совершения деяния являлась продавцом

одного из обществ с ограниченной ответственностью, осуществляющего деятельность по реализации мясных изделий. В январе 2008 г. В., распространяя ложную информацию о реализуемом товаре посредством доведения ее до потребителя в виде выставления на изделия бирки с указанием стоимости и производителя товара, под видом колбасы «Докторской в натуральной оболочке» производства ОАО «Волковысский мясокомбинат» фактически реализовывала колбасу «Свиную ароматную» производства ОАО «Брестский мясокомбинат». Как следует из материалов уголовного дела, основной целью В. при совершении деяния являлся сбыт продукции, не пользующейся спросом у потребителей, поэтому она умышленно вводила их в заблуждение относительно производителя колбасных изделий. Причиной постановления оправдательного приговора послужил вывод суда об отсутствии в деянии состава преступления, основанный на тексте комментария к ч. 1 ст. 250 Уголовного кодекса, в котором указано, что субъектом данного преступления не могут являться физические лица, которые не выступают в коммерческом обороте в качестве индивидуальных предпринимателей [2, с. 538]. Тем не менее в тексте того же комментария в качестве непосредственного объекта преступления наряду с недобросовестной конкуренцией указываются и интересы потребителей [2, с. 537], а посягательство на них может осуществляться кроме прочего действиями любого физического лица, вступающего в правоотношения с потребителями товаров. Состав преступления, предусмотренного ст. 250 Уголовного кодекса, является формальным и считается оконченным уже с момента доведения заведомо ложной информации до сведения хотя бы одного лица. Также следует отметить что, в первом абзаце п. 10 комментария к статье указано, что субъект этого преступления – общий, а далее в тексте содержится перечень лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности по данной статье и перечень лиц, которые не могут к ней привлекаться. Такая формулировка комментария подводит правоприменителей к мысли о специальном субъекте этого преступления.

Таким образом, противоречия и недочеты, имеющие место в тексте научно-практического комментария, все-таки сыграли свою негативную роль при разрешении данного уголовного дела в суде. Кроме того, после постановления оправдательного приговора по вышеуказанному уголовному делу отделом предварительного расследования Советского РУВД г. Минска было прекращено расследование по двум аналогичным уголовным делам на основании п. 2 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (за отсутствием состава преступления).

Сотрудники правоохранительных органов и работники прокуратуры являются лицами, непосредственно принимающими различного

рода правовые решения в процессе правоприменения. На рассматриваемой стадии данного процесса, при установлении юридической основы для разрешения того или иного дела, они прибегают к такому виду толкования, как толкование-уяснение.

В юридической литературе выделяют ряд способов толкования правовых норм (грамматический, систематический, исторический и т. д.).

Один из первостепенных способов толкования, который используется правоприменителем в процессе толкования норм права, – грамматический (филологический, текстовый, языковой). Не умаляя значения остальных способов толкования, отметим, что именно грамматическое толкование во многом предопределяет не только конечный результат процесса толкования, но и эффективность правоприменительного процесса в целом.

Сущность грамматического способа толкования состоит в выяснении смысла правовой нормы при помощи грамматического анализа ее текста. Следует отметить, что при осуществлении уяснения смысла правового предписания с помощью грамматического способа толкования правоприменитель чаще всего сталкивается с трудностями, которые вызваны стилистическими погрешностями в текстах правовых норм, допущенными при их формулировании.

Грамматическое толкование норм права делится на два этапа – лексико-морфологический и синтаксический (синтаксис – раздел грамматики – наука о законах соединения слов и строения предложений [3, с. 639]). На первом этапе задача правоприменителя состоит в уяснении смысла слов, составляющих правовую норму, на втором выявляются не только значения слов и других языковых знаков, но и значения их совокупностей.

При уяснении смысла слов, из которых состоит правовое предписание, затруднение у правоприменителя могут вызвать специальные термины, используемые законодателем для обозначения тех или иных объектов, явлений. Для облегчения понимания многие из них дефинированы с помощью различных способов в самом тексте нормативного правового акта. Эти дефиниции достаточно востребованы правоприменителями. Так, в случаях, вызывающих затруднение, к нормативным определениям обращаются 98,3 % респондентов, из которых 76,7 % имеют стаж работы до пяти лет. Наибольший процент постоянно обращающихся к правовым дефинициям составляют сотрудники органов внутренних дел и работники прокуратуры со стажем работы от 15 до 20 лет (100 %). Кроме того, разъяснение терминов содержится в соответствующих правоинтерпретационных актах.

Однако дефинирование понятий не всегда способно обеспечить адекватное (точное) уяснение смысла, заложенного законодателем в

используемые термины, поскольку некоторые из них могут использоваться в разных отраслях права в отличных значениях. Например, и в гражданском, и в уголовном законодательстве используется термин «близкие родственники». В ч. 2 ст. 4 УК Республики Беларусь под данным понятием понимаются родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дед, бабушка, супруг, супруга потерпевшего либо лица, совершившего преступление. Наряду с вышеуказанным определением, дается определение таких терминов, как члены семьи (близкие родственники и другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные лица, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство) и близкие (близкие родственники и члены семьи потерпевшего либо лица, которых потерпевший либо лицо, которое совершило преступление, обоснованно считает близкими). В ст. 60 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье близким родством считаются отношения, вытекающие из кровного родства между родителями и детьми, родными братьями и сестрами, дедом, бабушкой и внуками. Следует отметить, что усыновитель и усыновленный не состоят в кровном родстве, однако согласно ст. 134 данного кодекса усыновители и усыновленные в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях приравниваются к родственникам по происхождению. Что же касается супругов, то они не могут являться близкими родственниками хотя бы потому, что в соответствии со ст. 19 Кодекса о браке и семье не допускается заключение брака между близкими родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии [4, с. 25–26]. Такая несогласованность в области терминологии, без сомнения, вызывает затруднения в толковании и правоприменении.

В этой связи представляется целесообразной разработка путей и способов унификации используемых в различных отраслях права понятий и их определений.

На синтаксическом этапе, когда перед правоприменителем стоит задача уяснить не отдельные слова, а смысл правового предписания целиком, большую роль играют конструкция предложения, используемые законодателем знаки препинания и союзы. Так, трудность в понимании смысла нормы права может вызвать использование законодателем сложных грамматических конструкций, перегруженность предложения причастными и деепричастными оборотами. Избегать этого, как рекомендуют ученые-юристы, следует путем использования коротких простых предложений [5, с. 120]. Это же требование закреплено в п. 46 Правил подготовки проектов нормативных правовых актов. Короткими в русском языке считаются предложения, имеющие в объеме до 6 слов, средними – от 6 до 30 слов, а длинными – свыше 30 [6, с. 75].

В формулировании, насколько это возможно, коротких нормативных предложений большую роль играет расстановка знаков препинания (пунктуация). В тексте нормативных правовых актов рекомендуется по возможности ставить больше точек и меньше знаков препинания которые используются для разделения сложносочиненных предложений (запятая, тире, точка с запятой) [7, с. 20]. Такая позиция базируется на том, что человек может держать в период краткосрочной памяти только несколько мыслей. Освоив две или три мысли, он нуждается в короткой паузе, сигналом для которой служит такой знак препинания, как точка [8, с. 51].

Однако рекомендации ученых, наработки лингвистической науки и даже требования обозначенных правовых норм не всегда в полной мере учитываются белорусским законодателем. Это подтверждают данные, полученные в ходе опроса сотрудников органов внутренних дел и работников прокуратуры. Так, в качестве основной причины непонимания текста правовой нормы использование сложных предложений и громоздких грамматических конструкций назвали 49 % респондентов, а множество альтернативных действий, предусмотренных в ней, – 15 %.

В качестве примера использования в тексте нормативных правовых актов длинных предложений и громоздких грамматических конструкций можно привести диспозицию ч. 3 ст. 328 Уголовного кодекса. Она состоит всего из одного предложения, насчитывающего 6 альтернативных мыслей, содержащего 45 слов и 12 различных знаков препинания, что в ряде случаев вызывает различного рода затруднения при толковании обозначенной нормы права у молодых сотрудников органов внутренних дел (стаж работы до пяти лет).

Исказить смысл правового предписания способен и неправильный выбор союза. Так, в первой редакции диспозиции ч. 1 ст. 147 УК Республики Беларусь закреплялось, что тяжкое телесное повреждение, т. е. повреждение, опасное для жизни, может «выражаться в неизгладимом обезображении лица и шеи». В данном случае слова «лицо» и «шея» законодатель соединил соединительным союзом «и». Этот союз на этапе грамматического толкования правовой нормы указывает на то, что для применения данной нормы необходимо наличие двух обстоятельств (первое – обезображение лица, а второе – обезображение шеи). Следовательно неизгладимое обезображение только лица или только шеи не могло считаться тяжким телесным повреждением и квалифицироваться по ч. 1 ст. 147 Уголовного кодекса. В течение трех лет (до внесения соответствующих изменений) правоприменительная практика шла по пути возбуждения уголовных дел по ст. 147 УК при наличии у потерпевшего неизгладимого обезображения только лица или только шеи, что, по сути дела, соответствовало здравому смыслу, но противоречило правовому предписанию.

Аналогичная ошибка имела место и в тексте ч. 2 п. 4. ст. 63 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Законом от 5 января 2006 г. «О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Беларусь», законодателем путем замены соединительного союза «и» на разделительный союз «или» установлена возможность участия в хозяйственных товариществах и обществах как граждан, так и юридических лиц (в предыдущей редакции статьи закреплялось возможность участия «граждан и юридических лиц»).

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что толкование нормы права действительно является одной из ключевых стадий применения права. Правильность уяснения смысла правового предписания не только обеспечивает точность его применения, но и является одной из гарантий соблюдения государственным, в частности правоохранительными, органами прав и свобод граждан и юридических лиц. Ошибки, допущенные законодателем при формулировании правовых норм, значительно снижают эффективность толкования (в первую очередь грамматического), что значительно затрудняет осуществление правоприменительного процесса в целом. Основной причиной, по которой законодателем допускаются такого рода ошибки, является ненадлежащее (не на должном уровне) использование рекомендаций ученых, а также наработок лингвистической науки. Устранение данных недостатков зависит от самого законодателя, в том числе от точного выполнения им требований правил подготовки нормативных правовых актов, изучения и использования наработок как юридической, так и лингвистической науки.

Библиографические ссылки

1. Алексеев, С.С. Общая теория государства и права : в 2 т. / С.С. Алексеев. М. : Юрид. лит., 1981. Т. 2. 360 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. 1007 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1970. 612 с.
4. Мороз, В.В. О единых подходах к определению терминов, используемых в нормативно-правовых актах / В.В. Мороз, В.И. Пенкрат // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2001. № 1. С. 25–26.
5. Законодательная техника : науч.-практ. пособие / Л.Ф. Апт [и др.] / под ред. Ю.А. Тихомирова. М. : Городец, 2000. 271 с.
6. Губаева, Т.В. Язык и право: искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. М. : Норма, 2004. 156 с.
7. Язык закона / С.А. Боголюбов [и др.] ; под ред. А.С. Пиголкина. М. : Юрид. лит., 1990. 260 с.
8. Шугрина, Е.С. Техника юридического письма : учеб. пособие / Е.С. Шугрина. М. : Дело, 2001. 271 с.

А.В. Ясинская-Казаченко, старший преподаватель кафедры «Экономика и право» факультета технологий управления и гуманитаризации Белорусского национального технического университета

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ПРИМИРИТЕЛЬНО-ПОСРЕДНИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Процесс решения коллективных трудовых споров, организация примирительных и арбитражных процедур предусматривают существование специальных субъектов трудового права, призванных выполнять посреднические функции. Анализ взглядов ведущих ученых, занимающихся проблемами науки и практики трудового права, позволяет глубже и яснее понять социально-юридическую сущность и особенности субъектов трудового права, которые выполняют посреднические функции в процессе урегулирования расхождений между сторонами коллективных трудовых споров.

Необходимым условием участия субъектов в трудовых отношениях является владение ими трудовой *правосубъектностью*. Содержанием правосубъектности являются три взаимосвязанных элемента: *правоспособность, дееспособность и деликтоспособность*. В конце статьи мы еще вернемся к трактовке понятий «субъект трудового права», «трудовая правосубъектность», «трудовая правоспособность», «трудовая дееспособность» и «трудовая деликтоспособность» и приведем их определения.

Вначале следует отметить, что в трудовом законодательстве указанные выше термины в отношении работника не употребляются. Б.К. Бегичев писал: «Личный характер правосубъектности работника не допускает какой-либо, даже относительной, автономии ее составляющих – правоспособности и дееспособности» [1, с. 65–66]¹. С.П. Маврин в качестве аргументации использует формальный подход. «Ни одна из норм трудового права, – отмечает он, – вообще не дает оснований для дифференциации трудовой правоспособности и трудовой дееспособности».

¹ Однако в статье «Об ограничении гражданской и трудовой дееспособности граждан» Б.К. Бегичев указал, «что в области трудового права возможно разъединение правосубъектности граждан», но это не имеет практического смысла [2, с. 126]. В статье «Проблемы трудовой дееспособности советских граждан» он пишет, что отдает себе отчет в бесплодности попытки доказать ошибочность тезиса о неразделенности трудовой правосубъектности, хотя приводит как опровергающие, так и подтверждающие это мнение аргументы [3, с. 45–48].